

Валерий Ковалев

**Ас
танковой
разведки**

Валерий Ковалев
Ас танковой разведки

«Автор»

2026

Ковалев В. Н.

Ас танковой разведки / В. Н. Ковалев — «Автор», 2026

Тридцатые годы прошлого столетия. Владимир Подгорбунский, беспризорник и вор, находясь в местах лишения встает на путь исправления. С началом Великой отечественной войны уходит на фронт, где служба в танковой разведки становится Героем Советского Союза.

© Ковалев В. Н., 2026

© Автор, 2026

Валерий Ковалев

Ас танковой разведки

АС ТАНКОВОЙ РАЗВЕДКИ

Дай оглянуться – там мои могилы.
Разведка боем, молодость моя!

Илья Эренбург

Глава 1. Уркаган

Несовершеннолетних начиная с 12-летнего возраста, уличённых в совершении краж, в причинении насилий, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания.

Лиц, уличённых в подстрекательстве или в привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в понуждении несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т. п. – карать тюремным заключением не ниже 5 лет.

(Из постановления СНК СССР, ЦИК СССР от 7 апреля 1935 года № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних».)

Тяжело сопя машиной, на железнодорожный вокзал Ростова втянулся пассажирский поезд. Дав пронзительный гудок паровоз окутался паром, по составу прокатился металлический лязг сцепок, встал.

Проводники, отворив двери вагонов первыми шагнули на перрон, выпуская пассажиров, с крыш начали спускаться безбилетники, навьюченные мешками с чемоданами и корзинами. У вагонов возникла толча с гамом, крики носильщиков, толпа понемногу рассасываясь, повалила в город.

Когда немного схлынула, в предпоследнем вагоне у колесной пары откинулась дверца собачьего ящика* оттуда выбрался лет четырнадцати пацан. Рыжеволосый в выцветшей тельняшке, штанах из чертовой кожи и солдатских ботинках на босу ногу.

– Лепота, – прищурился на утреннее солнце и, сунув руки в карманы, насвистывая, пошел вдоль состава. Заметив впереди милиционера в синей гимнастерке и с наганом на поясе, гибко скользнул под вагон и вылез с другого бока.

Звали пацана Володька Подгорбунский, был круглый сирота. Родом из Забайкалья, в Гражданскую он потерял родителей. Отец погиб в партизанском отряде Лазо*, а мать через год умерла от тифа. Мальчишку определили на воспитание в детский дом города Читы.

Жизнь там оказалась не мед, голодная и безотрадная. В результате подорвав оттуда, стал беспризорником. А поскольку пацаном был шустрым, вскоре возглавил компанию в составе еще трех: Сашки по кличке Хмырь, Витьки Сопатого и татарина Мурзы. Володьку дружки прозвали Бес, за бесшабашность и нахрапистость.

Бражка* промышляла на городских улицах и базаре, чистя карманы обывателей, а еще на вокзале, умыкая у зазевавшихся пассажиров ручную кладь. Но все хорошее когда-нибудь кончается. Однажды, по весне, пацаны решили подломить ночью хлебный киоск и засыпались. Их взяли с поличным работники угро.

Далее были короткое следствие и суд припаявший всем по году исправработ в читинском ДОПре*. Из суда компанию отправили туда пешком под конвоем двух мильтонов. По дороге Бес саданул одному головой под дых и с криком «тикай пацаны!» метнулся в ближайшую подворотню. Сзади ударил выстрел, залилась трель свистка, прибавил ходу.

Вечером, пробравшись на вокзал, влез на платформу отходящего грузового состава и к утру добрался до Улан-Удэ. Оттуда началось его путешествие к югу. Там мечтал побывать давно, а из Забайкалья следовало «делать ноги».

И вот теперь, спустя месяц, солнечный Ростов. О нем знал немного. Что стоит на реке Дон, и там растет виноград, которого никогда не пробовал.

Пробежав до головы состава вновь нырнул под вагон, вылез на другую сторону и, подернув штаны, продефилировал с последними пассажирами в город. Он впечатлял многолюдьем, обилием каменных домов с магазинами и широкими, с высокими тополями улицами на которых звенели трамваи и катили автомобили.

Для начала Бес решил искупаться в Дону, поскольку изрядно закоптился в дороге. Расспросив встретившуюся старушку как туда пройти, вскоре вышел на набережную и поцокал языком, – вот это да! От одного берега до другого было метров семьсот плавно текущей сини. Такую реку видел впервые.

Спустившись с набережной по тропинке вниз нашел небольшую заводь с диким пляжем, в центре которого лежала старая, с проломленным бортом лодка. Нагнувшись, попробовал ладонью воду, оказалась в самый раз, принялся раздеваться. Оставшись в сатиновых трусах вошел по колени в воду, сложив над головой руки подпрыгнул, исчезнув в фонтане брызг. Через минуту вынырнул и замелькал саженками вперед.

Наплававшись, выбрел из воды, решив постираться. Вынул из карманов штанов серебряный полтинник, коробок спичек и длиной в ладонь финку с наборной рукояткой. Ее выиграл в карты прошлой зимой у одного пацана. Отложив их в сторону, шматье тщательно выполоскал в воде, отжал и повесил сушиться на колючих кустах с сизыми ягодами. Отщипнул одну, попробовав, выплюнул – оказалась кислой.

Солнце между тем жарило всю, улегшись на песок в тени лодки задремал. Спустя час проснулся от гудка проплывавшей по реке баржи, встав широко зевнул и подошел к кустам. Пощупал одежду (высохла). Натянув ее на себя, определил нехитрое имущество в карманы, сунул ноги в ботинки и, подойдя к урезу воды, напился из ладоней. Под ложечкой сосало, в последний раз ел сутки назад.

Поднявшись на набережную заметил читавшего на скамейке газету мужика в соломенной шляпе, подойдя спросил, – дядя, где тут у вас базар?

– Тебе какой? – поднял глаза.

– Да любой, что поближе.

– Иди вон к той остановке, – обернувшись, указал пальцем. – Садись на трамвай и выходи через две. Там увидишь.

– Благодарствую.

– Не за что, – снова уткнулся в газету.

На остановке стоял десяток ожидающих, вскоре подошел переполненный трамвай.

Двери открылись, началась давка. Видя, что внутрь не попасть, Бес пристроился на заднем буфере вагона, рядом с еще двумя «зайцами». Трамвай тронулся, набирая скорость, буфер изрядно вихляло, но ему нравилось. На подобном транспорте ехал впервые.

Через две остановки сошел на мощеной бульжником площади.

Там, рядом с белокаменным собором, увенчанным куполами, многоголосо шумел базар. Войдя в арку главного входа, мальчишка купил у одной из стоявших рядом торговок два пирожка с ливером, именовавшихся «собачья радость», сунул в карман сдачу и, жуя на ходу, двинулся меж многочисленных магазинов с лавками и лотками у которых суетился народ.

Здесь продавали все, начиная от товаров промкооперации и изделий нэпманов* с кустарями, до всяческого барахла. Особо впечатляли продовольственные ряды, где торговали салом, колбасой и мясом, разных пород рыбой, молоком, творогом и сметаной.

Имелось немеряно и всяческих овощей с фруктами, короче, праздник живота. Народ был тоже самый разный – русские с хохлами (последних встречал в Забайкалье) горбоносые усачи в папахах, вездесущие евреи и азиаты с раскосыми глазами. В толпе мелькали и расхристанные беспризорники, высматривая, где что плохо лежит.

Потолкавшись по базару и найдя кроме главного, еще два входа, решил приступить к работе. Денег оставалось с гулькин нос, а жить на что-то было надо. Хорошо бы иметь при- тырщика*, но такого не было.

– Астраханские! Первая партия! Налетай! – донесся впереди крикливый голос. Пошел на него. Краснощекая тетка в сарафане, торговала полосатыми арбузами. На земле, высилась целая гора, перед ней толпились покупатели.

Ввинтившись меж желавших купить, Бес оказался в первом ряду, сбоку чубатого, в рубахе апаш* и широких клешах, парня. Выбрав приглянувшийся арбуз тот достал из заднего кармана бумажник. Расплатившись, вернул обратно. Сделав вид, что споткнулся, Бес на секунду притерся к нему (парень недовольно оглянулся) и стал проталкиваться назад.

Чуть позже он вышел из главных ворот на площадь, дождался на остановке обратного трамвая и тем же образом доехал до набережной. У нее спрыгнул, перебежал улицу и уселся на пустой скамейке под вязом. Достал из-за пазухи украденный бумажник, вынул из него пачку рублей, пересчитал и довольно хмыкнул.

Бумажник швырнул в урну рядом со скамейкой, деньги сунул в карман. Встав, подтянул штаны и направился к стоящей неподалеку продуктовой палатке. Там купил французский батон, кольцо «краковской», пачку «Дюбека» и бутылку лимонада, попросив завернуть все кроме папирос в бумагу.

Выйдя на улицу закурил и пошагал вдоль набережной. Тут и там по ней прогуливались люди, играла детвора, на скамейках старики передвигали шашки. Где-то далеко играл духовой оркестр.

Через полчаса Бес сидел в тени кустов на знакомом пляже, подкрепляясь пахнущей чесноком колбасой с хрустким батоном и запивая их щиплющим в носу лимонадом. Поев, сыто рыгнул, сбросил с ног ботинки и, улегшись на бок, засопел носом.

Снилась ему Чита, он сидел на Титовской сопке и поедая арбуз. Тот имел вкус селедки. Потом что-то толкнуло в бок, разлепил глаза.

– Вставай баклан*, – донесся сверху голос.

Поднял туда, над ним стоял крепкий рябой парень. В кепке-восьмиклинке, тениске, полотняных штанах и ботинках «джимми»* . Чуть дальше, на борту лодки, сидел второй, тот, у которого увел бумажник. В зубах дымилась папироса. Рядом скалился лет двенадцати конопатый шкет, в драном пиджаке до колен, штанах с бахромой и тапках.

Бес поднялся с песка, зыря по сторонам.

– Не вздумай, – ухмыльнулся рябой, – догоню, поломаю ноги.

– Давай лопатник*, – перебросив папиросу из одного края рта в другой, протянул руку чубатый.

– Какой еще лопатник? – удивленно вскинул брови. – Я не брал.

– Обшманай его, – приказал шкету чубатый.

– Ну што, рыжий? Выворачивай карманы, – подскочил тот к Бесу.

– Щас, – кивнул и с разворота заехал ему кулаком в ухо.

– наших бьют! – покатился по песку.

– Ах ты ж гад, – шагнул вперед рябой. – Урою.

– Не подходи! – выхватил финку Бес. – Попишу!

– Ша! – рывкнул чубатый. – Не тронь его Ферг. И Бесу, – а ты спрячь перо и верни хрусты*, – выплюнул окуроч.

Поняв, что отвертеться не удастся, Бес сунул финку в карман, из второго достал сложенные пополам деньги и, подойдя к лодке, отдал владельцу.

– А лопатник?

– Нету (пожал плечами). Скинул.

– Ладно, – убрал. – А теперь давай знакомиться. Я Рукатый, это Ферг, – кивнул на рябого, – который мелкий – Кукла. Работаем втроем. А ты что за фря и откуда?

– Кличут Бес, – цикнул слюной на песок – сегодня приехал из Читы.

– Знакомые места, – тоже присел на лодку Ферг. – Я там три года топтал зону. Щипач?*

– А то. Имею квалификацию.

– Чувствуется, – подмигнул Рукатый. – Ловко меня помыл*. Ну да ладно. Глянулся ты мне. Давай к нам в компанию.

– А чем занимаетесь?

– Мы скокари – чистим квартиры.

– Надо подумать (наморщил лоб).

– А чего тут думать? – сложил на груди руки Ферг. – Што ты намоешь за месяц мы берем за раз.

– К тому ж ты залетный, а в Ростове таких не любят, – встрял в разговор Кукла. – Быстро поставят на перо.

– Ну так как? – прищурился Рукатый.

– Ладно, принимается, – махнул рукой.

– Ну тогда айда с нами (встал с борта) Ферг следом, и вся четверка направилась по тропинке вверх. Солнце клонилось к западу, в траве скрипели первые сверчки.

Поднявшись на набережную, перешли на другую сторону улицы, по которой изредка проезжали автомобили и дождались на остановке трамвая. Тот вскоре подошел, поднялись в полупустой вагон, уселись на скамейки. Двери закрылись, тренькнул звонок, тронулись. Бес купил у кондукторши билеты, за окнами поплыли городские кварталы, площади и скверы.

Вскоре центр остался позади, выехали на городскую окраину, застроенную частными домами. Здесь компания сошла, двинувшись по одной из улиц, с нее свернула в неприметный переулок и остановилась у покосившейся ограды флигеля. Ставни на окнах были закрыты, выглядел нежилым.

Рукатый отворил скрипучую калитку, по затравеневшему двору направились к невысокому крыльцу. Поднявшись на него первым, открыл спрятанным под ступенькой ключом навесной замок, поочередно вошли внутрь. За дверью был короткий коридор, толкнув вторую, переступив порог щелкнул выключателем.

Свет одинокой лампочки под потолком, высветил просторную комнату. В центре стол и несколько табуреток, у одной стены комод и продавленный диван, той, что напротив, кровать с подушкой и лоскутным одеялом. На этажерке в углу, граммофон и россыпь пластинок. Два дверных проема вели в другие помещения.

– Ваша хата? – осмотрелся Бес.

– Одного приятеля, – уселся на диван Ферг, закинув ногу на ногу. – Он на три года отправился в солнечный Магадан. Мы типа присматриваем.

– Так, Кукла, – прошел к этажерке Рукатый. – Организуй пожарть и выпить за знакомство.

– Сей момент, – исчез на кухне.

– Песни любишь? – обернулся к Бесу.

– А то, – присел на табуретку. – Особо «Гоп со смыком».

– Такой у нас к сожалению нету. Послушай эту. Опустил на диск пластинку, сверху игольчатую мембрану, повертев ручкой, нажал рычаг.

Розпрягайте, хлопці, коні
Та лягайте спочивать,
А я піду в сад зелений,
В сад криниченьку копать!
полился из раструба граммофона напористый баритон.
Маруся раз, два, три, калина.
Чорнявая дівчина в саду ягоди рвала.
Маруся раз, два, три, калина.
Чорнявая дівчина в саду ягоди рвала!
грянул за ним мужской хор.

– Ну как? – взглянул на гостя, когда песня закончилась.

– Лихая, – заблестел глазами. – Никогда такой не слышал.

– Это казачья песня. Мой батя из них. Семейку раскулачили и выслали в Сибирь, а я по дороге сбежал и теперь граблю награбленное. Как учил товарищ Ленин.

– Так прямо и учил? – засомневался Бес.

– Ну да. Когда сидел по первому разу один бывший партийный рассказывал.

Кукла между тем накрыл стол, на котором появились пупырчатые огурцы, вареная картошка в мундире, нарезанные сало, хлеб и полосатый арбуз. Последней ходкой принес бутылку «рыковки»* и четыре граненых стакана.

Компания уселась за стол, Рукатый скovyрнул с горлышка колпачок, набулькал в них и поднял свой, – со знакомством. В него звякнули остальные, выпили, навалились на еду. Когда все подмели, разлил остатки – повторили, занялись арбузом.

– М-м, – вкусно – мычал Бес, приканчивая четвертый ломоть. Голова чуть кружилась, водку пил не в первый раз, а вот сон с арбузом, как говорят, был в руку.

– Нравится? – толкнул в бок рукой, сидящий рядом Ферг.

– Не то слово, – отложив корку, утер рукавом губы.

– Да, в ваших краях они не растут, так что наворачивай.

Поев, убрали со стола, Рукатый взял с этажерки колоду карт и предложил сыграть в очко. Ферг с Куклой тут же согласились, Бес промолчал.

– А ты чего? Не сечешь? – спросил Ферг.

– Секу но у меня только мелочь.

– Ладно, мы ставим на кон по рублю, а ты что имеешь.

– Хорошо. Достав из кармана несколько монет, положил в центр стола. Остальные добавили по рублю, игра началась. В течение следующего часа Бес трижды сорвал банк перед ним выросла горка дензнаков.

– Могешь, – одобрительно хмыкнул Рукатый, когда закончили. – Где так насобачился?

– В Чите, научил один катала*. Хотите покажу фокус?

– Давай, – тряхнул чубом.

Бес взял в руки колоду, перетасовал и протянул ему, – тащи изнутри карту, чтоб я не видел масти. Запомни и верни обратно.

– Готово, – сделал сказанное.

Бес снова перетасовал и выдернул трефовый туз, – она?

– Она самая.

– Теперь ты, – вернув на место еще раз перетасовал и протянул Ферту.

– Примерившись, тот вытянул еще одну, прикрывая ладонью посмотрел и вставил в колоду.

На этот раз Бес извлек бубновую десятку.

– Ну ты даешь, мля, – выпучил глаза Ферг. – Впервые такое вижу.

– Теперь я! – облизал губы Кукла.

– Можно, – протянул колоду.

Последовали те же манипуляции с уже известным результатом.

В комнате наступила тишина, а потом Рукатый сказал, – да, оправдываешь ты свое погоняло*.

Потравив с час, все улеглись спать – старшие в этой комнате, а пацаны в смежной, поменьше. Там имелся широкий топчан с матрасом.

Глава 2. Домушники

Тайное похищение чужого имущества (кража) влечет за собой:

а) совершенное без применения каких-либо технических средств, в первый раз и без сговора с другими лицами, —

лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до трех месяцев; совершенное при тех же условиях, но вследствие нужды и безработицы, в целях удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи, —

исправительно-трудовые работы на срок до трех месяцев;

б) совершенное повторно, или в отношении имущества, заведомо являющегося необходимым для существования потерпевшего, — лишение свободы на срок до шести месяцев;

в) совершенное с применением технических средств или неоднократно, или по предварительному сговору с другими лицами, а равно, хотя и без указанных условий, совершенное на вокзалах, пристанях, пароходах в вагонах и гостиницах, —

лишение свободы на срок до одного года;

г) совершенное частным лицом из государственных и общественных складов, вагонов, судов и иных хранилищ или в указанных в предыдущем пункте местах общественного пользования, путем применения технических средств или по сговору с другими лицами или неоднократно, а равно совершенное хотя бы и без указанных условий лицом, имевшим специальный доступ в эти склады или их охранявшим, или во время пожара, наводнения или иного общественного бедствия, —

лишение свободы на срок до двух лет или исправительно-трудовые работы на срок до одного года;

д) совершенное из государственных и общественных складов и хранилищ лицом, имевшим особый доступ в таковые или охранявшим их, путем применения технических средств или неоднократно, или по сговору с другими лицами, а равно всякая кража из тех же складов и хранилищ, при особо крупных размерах похищенного, — лишение свободы на срок до пяти лет;

е) мелкая кража, независимо от ее размеров, совершенная на предприятии или в учреждении, — карается тюремным заключением сроком на один год, если она по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания. [Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 августа 1940 года («Известия Советов депутатов трудящихся СССР» № 190 от 17 августа 1940 года)][\[2\]](#).

(Статья 162 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года)

Утром Бес встал раньше всех, сунув ноги в ботинки, вышел на свежий воздух. Трава искрилась росой, на востоке вставало солнце, огляделся. Двор был пуст, за исключением колодца в центре. На срубе стояло ведро с цепью, рядом бочка. За флигелем серел деревянный сортир, дальше сад.

Справив малую нужду, пошел меж деревьев. Они были старые, на одном краснели яблоки. Дойдя до конца (дальше был овраг) обнаружил на кольях десятков лоз, под разлапистыми листьями золотились кисти винограда. Такие видел в букваре в детском доме.

– Ну-ка, ну-ка, – открутив одну, бросил в рот ягоду. Нажал зубами – лопнула, во рту возникла душистая сладость. – Чистый сахар, – отщипнул вторую. Съел всю кисть, выбросив плодоножку и направился обратно.

На ступеньке крыльца, дымя папиросой, сидел Ферт, у колодца, голый по пояс Рукатый, плескался из бочки. На спине синела наколка – храм с тремя куполами, на плечах воровские звезды.

– Я тут в саду виноград нашел, – поделился новостью. – Вку-усный.

– Эка невидаль, – пустил Ферт вверх кольцо дыма, а Рукатый рассмеялся – этого добра летом в здешних краях как грязи.

Потом умылись остальные, Кукла отказался, поскольку это дело не любил и приступили к завтраку. Он состоял из пары вяленых донских лещей, нарезанных янтарными кусками, оставшегося от ужина хлеба и вскипяченного на кирогазе чая. Поев, закурили и Рукатый рассказал Бесу об их воровской профессии.

– Она у нас тихая и не любит шума, – пустил носом дым. – Главный инструмент – отмычки. Приходилось видеть?

– Само-собой, – кивнул Бес.

– Тогда идем дальше. Как известно, наши граждане не любят держать наличность в сберегательных кассах, предпочитая им кубышки и другие потайные места в своих квартирах. Или же покупают всяческие вещицы, типа золотых украшений, ковров, шуб и прочего шматья. Вот мы и присматриваем квартиры побогаче чтоб их после обнести.

– А как такие определить?

– Да очень просто. По дорогим шторам на окнах, одежде в которой ходят хозяйева, покупкам, из магазинов. Короче, наблюдаем.

– Вроде пинкертонов*, – ухмыльнулся Ферт.

– Ну а дальше?

– Дальше изучаем режим дня. Когда уходят на работу и во сколько возвращаются.

– Или уезжают в отпуск, – вякнул Кукла. – Тогда вообще лафа.

– Это да – взглянул на него Рукатый и продолжил. – Есть еще способы узнать, есть кто в квартире или нет. Для этого позвонить в дверь. Если внутри тишина, значит скорее всего нету. А если откроют, спросить, каких-нибудь Петю или Машу.

– Или сунуть спичку между луткой* и дверью в низу, – добавил Ферт. – И проверить, открывалась она после или нет.

– Дальше, оставив одного на стреме*можно входить в квартиру открыв отмычкой дверной замок, – продолжил Рукатый. Или проникнуть в нее через открытую форточку, открыв изнутри. Это у нас умеет Кукла.

– Ага, – отозвался тот, подбрасывая в руке стеклянный шарик. – Запросто.

– Прежде всего проверяются ящики в трельяжах, горках и комодах, – потушил Рукатый в блюде окурок. – Там жильцы обычно прячут деньги, золотишко и другое, что поценнее. За ними платяные шкафы на предмет наличия хорошего шматья и обуви. Ну а потом остальное, типа анресолей с кладовками, матрасов и перин. Там тоже могут быть хованки*.

Времени на все – пять десять минут. Потом все по карманам, наволочкам и на отрыв. Как, усек?

– Усек, – отозвался Бес. – И как долго надо пасти такую квартиру?

– Два-три дня, а то и неделю. Можно и без этого, если есть наводчик, ну там сантехник, горничная или кухарка. У нас нету, зато есть беспризорники. Болтаются по всему городу, много чего видят и знают. Ну ладно, – встал с дивана. Волка ноги кормят, за работу.

После этого, навесив на дверь флигеля замок и положив ключ в потайное место, вся бражка отправилась в город. Там, парами, разошлись по сторонам. До полудня Рукатый с Бесом болтались по улицам в центре, наблюдая за окнами домов, заходя в подъезды и прозвания квартиры – облом.

Около часу дня, проголодавшись, зашли в чайную и пообедали, взяв борщ, котлеты с макаронами и по стакану компота. Затем перекурили в ближайшем сквере и продолжили. Подходящую квартиру нашли под вечер, в трехэтажке. Позвонили несколько раз в обитую дерматином дверь, тишина.

Рукатый кивнул Бесу, тот вынул из кармана спички, достал одну, и наклонившись, засунул наполовину в щель между луткой и дверью. Спустившись вниз, оба вышли из подъезда.

– Утром вернемся и поглядим, – сказал Рукатый. – А теперь айда прикупим жратвы, что была, всю прикончили.

Зашли в магазин на соседней улице, взяв там батон вареной колбасы, несколько банок консервов, связку баранок и две буханки пеклеванного*. Сев на трамвай, вернулись в свой район, сошли на нужной остановке и направились через переулок к флигелю.

На двери висел замок, сожители еще не вернулись. Достав из-под ступеньки ключ, Рукатый отомкнул замок, перешагнули порог. Бес отнес на кухню продукты, став выкладывать из пакетов на стол, а он, сняв ботинки, вышел во двор. Там вымыл у колодца ноги и вернулся обратно.

– Что-то наши задерживаются, – сказал сидящий на диване Бес.

– Придут, никуда не денутся, – устроился на кровати с удовольствием шевеля пальцами на ногах.

Спустя полчаса вернулась вторая пара. У Ферта синяк под глазом, Кукла с расцарапанной щекой

– Кто это вас так? – удивился Бес?

– Жильцы одного дома на Софийской- пробубнил Ферт, а Кукла добавил, – гады.

– Ну-ка, ну-ка, с этого места поподробней, – встал с кровати Рукатый.

– А чего рассказывать? – присел на табуретку Ферт. Обошли за день десяток домов - голяк. Ничего подходящего, похилияли домой. По дороге решили навестить Софийскую, там недавно заселили пятиэтажку.

Заходим в подъезд, поднимаемся и зырим в почтовые ящики. Один, на последнем этаже, набит газетами. Звоню несколько раз в дверь, тихо. Потом резко открывается, за ней пьяные мужик с бабой. Мужик орет «не даете отдыхать, падлы!» и бац мне кулаком в глаз. Насаживаю его на кумпол – падает, а баба вопит «рятуйте, убивают!».

Сбегаются соседи, шум гвалт, хотят вызвать лягавых. Ну мы на отрыв. Такие вот дела.

– Бывает, – рассмеялся Рукатый. – Умойте морды и будем хавать.

Когда заканчивая ужин пили чай с баранками, в дверь постучали.

– Погляжу кто, – слез с табуретки Кукла и вышел в коридор. Брякнул засов, проскрипела дверь, вскоре вернулся с замурзанным пацаном. Лет семи, в женской кофте и босым.

– Здрасьте вам, – застрелял по сторонам глазами.

– И тебе не хворать, Моль – отодвинул чашку Рукатый. – С чем пришел?

– Имею натырку на хату.

– Рассказывай.

Мы сегодня с пацанами гуляли по Перекопской, там из одного дома выехали хозяева . Не иначе на курорт.

– Чего так решили?

– Загрузили в пролетку чемоданы с коробками и сказали извозчику везти на вокзал. Один наш слышал.

– Номер дома?

- Тридцать восьмой. С черепичной крышей и зелеными воротами.
- А не заливаешь? – приподнял бровь Рукатый.
- Век воли не видать! – щелкнул по зубам ногтями.
- Ладно. Ферг, – дай ему трояк.
- Держи, – вынул из кармана.
- Ну так я пошел? – сунул за пазуху.
- Валяй. Будет еще что интересное, заходи.

Кукла проводив, запер дверь.

– Значит так, – когда вернулся, сказал ему Рукатый. – Завтра вместе с Бесом попасете эту хату до полудня. Если все, как сказал Моль, ночью пойдем на дело.

Утром, прихватив по куску хлеба, оба отправились на Перекопскую. Та находилась не особо далеко, в получасе ходьбы от ихнего переулка. На востоке алела заря, день обещал быть похожим.

Улица, куда направлялись, была известна тем что раньше здесь жили богатые купцы, а теперь различные начальники да нэпманы. Нужный дом находился по правой стороне в конце. За ним невысокий пригорок заросший деревьями и кустами. Поднявшись туда залегли в лопухах, принялись наблюдать.

Такие дома Бес встречал редко: краснокирпичный, с цокольным фундаментом, четырехскатной крышей и мансардой*. Вокруг высокая каменная ограда. На гребне, поблескивало битое стекло, вмурованное в цемент.

- Да, такую не просто перелезть, – оценил Кукла.

Улица, между тем, просыпалась. По ней пропылил «форд», став у соседнего особняка, из ворот вышел мужик в шляпе и с портфелем, уселся внутрь. Хлопнула дверца, покотил дальше. Еще через два отворилась калитка, на улице появилась тетка, в руке корзина. Не иначе за покупками.

В доме с мансардой было тихо. Понаблюдали еще с час (то же самое). Сжевали хлеб, а потом Бес сказал, – подберусь к хате с тыла. Посмотрю, может там стена ниже.

- Давай, – зевнул напарник. – Только тихо.

Выполз из лопухов и, прячась среди полыни, согнувшись, перебежал к ограде. Скрывшись за углом. Солнце припекало, Кукла стал клевать носом. Задремал. Очнулся от толчка в бок, – не спи, замерзнешь.

- Ну как ? – протер глаза.

– Лезть через стену не надо, сзади в ней деревянная калитка на запоре. Можно запросто открыть фомкой*

- Уже легче, – одобрил Кукла.

Когда солнце повисло в зените, а хозяева особняка не проявились, пара, спустившись с пригорка, отправилась обратно. Дома был один Ферг.

- А где Рукатый? – спросил Бес.

- Ушел по делам. Как новая наводка?

Подробно рассказали все что видели, не забыв про калитку позади усадьбы.

- Добре, – сощурил белесые глаза. Не сбрежал Моль. А то б я открутил ему голову.

Спустя полчаса вернулся Рукатый. Рассказали еще раз, довольно хмыкнул. Затем пообещали, с часик приспнули и, чтобы скоротать время, отправились на Дон купаться.

В черте города были несколько пляжей, выбрали тот, что малолюдней. Разделись в стороне, Кукла с Бесом, забежав в воду, тут же стали играть в жука, старшие вошли в нее спокойно и поплыли вперед.

Накупавшись, улеглись на горячий песок, с час позагорали, потом Ферг купил у проходящей торговки четыре початка кукурузы, сгрызли, перекурили и на закате солнца отправились домой. Там Рукатый достал из ящика комода два фонарика, пощелкав выключателями, отдал

один Ферту. Тот в свою очередь извлек из-под дивана фомку, а Кукла принес из коридора свернутый полотняный мешок.

Когда стемнело, заперев флигель, отправились на дело. В небе мерцали звезды, где-то в садах угукала горлинка. Обойдя Перекопскую стороной, добравшись до пригорка затаились. В окнах десятка домов на улице еще горел свет, откуда-то наносило звуки музыки, нужный утопал во мраке.

– Айда, – сказал через пять минут Рукатый.

Тихо спустившись вниз прошли вдоль задней части стены к калитке. Запустив перо фомки меж полотном и луткой Ферт сильно нажал, брякнул сорванный запор, тихо отворил, – готово.

– Кукла на стреме, остальные за мной, – первым шагнул за нее Рукатый.

Миновав мощеной дорожкой небольшой сад с беседкой, вошли во двор, поднялись на широкое крыльцо. Повозившись с минуту, Рукатый отпер отмычкой дверной замок, приоткрыл створку, поочередно скользнули внутрь.

Лучи фонариков высветил прихожую, за ней анфиладу комнат, направились туда. Во всех стояла дорогая мебель, на полу ковры, стены в картинах.

– Не слабо, – присвистнул Ферт, начали экспроприацию.

В ящике вычурного комода в зале нашли шкатулку с украшениями, в одной из спален сняли в простенке серебряное распятие, а в платяных шкафах обнаружили шубу из черной бурки, дорогие мужские костюмы и женские наряды. Ими набили мешок доверху.

– Все, харэ. Уходим, – приказал Рукатый, тем же путем покинули усадьбу. За калиткой к ним присоединился Кукла, исчезли во мраке. Домой добрались незадолго до рассвета и завалились спать.

Глава 3. На воровской малине. Правилка*

В 30-е годы прошлого столетия, на фоне бурных перемен в СССР, связанных с коллективизацией и голодом, усилилась борьба с преступностью. Власть стремилась подавить любые проявления «антисоветского» поведения, и преступный мир, оказавшись под мощным прессом, начал искать пути адаптации и выживания.

В этих условиях, криминальные элементы, ранее действовавшие разрозненно, стали объединяться в более организованные группы. Это было диктовано необходимостью выживания, взаимопомощи и защиты от репрессий. Внутри этих групп формировались свои правила, традиции и ценности, которые со временем кристаллизовались в так называемый «воровской закон».

Этот свод неписанных правил, регулирующих жизнь криминального сообщества, был призван обеспечить порядок и дисциплину внутри «воровского мира». Он определял иерархию, взаимоотношения между «ворами в законе» и рядовыми членами, а также правила поведения в различных ситуациях. Ключевыми принципами воровского закона стали: отказ от сотрудничества с властями, верность «воровскому братству», взаимопомощь, презрение к «мусорам» и «сукам» (т.е. к тем, кто сотрудничал с властями).

Зарождение воровского закона было обусловлено стремлением преступников к самоорганизации и сохранению своей идентичности в условиях жесткого преследования. Он стал своеобразной реакцией на репрессивную политику государства, символом противостояния власти и своеобразной «конституцией» криминального мира.

Важно понимать, что «воровской закон» – это не просто набор правил, а сложная система ценностей, идеология, которая формировалась в течение длительного времени и оказала значительное влияние на развитие преступности в СССР и постсоветском пространстве. Его изучение позволяет понять, как функционировала криминальная среда в

условиях тоталитарного государства и какие факторы способствовали формированию этой специфической субкультуры.

(Из криминологии)

На следующее утро, проснувшись ближе к десяти позавтракали и осмотрели украденное.
– Да-а, – восхищенно протянул Бес, поглаживая шубу. – Икрыная хата. Не иначе там живут нэпманы.

Тю, а я думал пролетарии? – дурашливо сказал Кукла. Дружно загоготали
– Значит так, – сунул Рукатый в карман золотой перстень с камнем и такой же браслет. – Это загоним кайну*. Остальное (взглянул на Ферта) заныкай на чердаке. Бес, айда со мной, – поднялся с дивана.

Вскоре оба шли по переулку. На деревьях чирикали воробьи, за заборами цвели рожи* настроение было мажорным. По дороге съели по мороженому и выпили холодной газировки, начиналась жара.

Каин обитал рядом с портом, держа там сапожную мастерскую. Толкнули входную дверь, вошли. В небольшом помещении, у окошка, худой старик в фартуке и ермолке*, сидя на низкой табуретке подбивал сапог. На полке вдоль стены стояла уже починенная обувь, внизу – подлежащая ремонту. Пахло кожей и чесноком.

- Наше вам, Мойша, – приподнял кепку Рукатый.
- Здравствуйте вам, – пристукнув молотком по набойке, поднял глаза.
- Есть товар, – чуть наклонился.
- Позвольте спросить какой?
- Рыжье.

Отложив в сторону сапог с молотком, кряхтя встал. Пройдя к двери, запер на засов, вернулся – имею посмотреть.

Присев сбоку на стул, Рукатый вынул из кармана браслет с перстнем и передал кайну, – вот.

Тот, внимательно осмотрев, назвал цену.

– Шутишь? – нахмурил брови. – Эти цапки стоят вдвое больше. Давай назад (протянул ладонь).

- Хорошо, – вздохнув назвал новую, на сотню больше.
- Вот теперь пойдет. Неси гроши.

Снова встав, ушел в подсобку. Через несколько минут вернулся, вручив Рукатому пачку денег. Пересчитав, сунул в карман.

– Есть еще шуба из чернобурки и неслабое шматье. Возьмешь?

Молча кивнул.

– Заметано. Ночью притаранит Ферт.

На обратном пути зашли в продовольственный, купив пару бутылок водки и закуски, через час были дома. Там Рукатый выделил каждому его долю, потом, заведя граммофон, спрыснули удачу.

С одесского кичмана
Сорвались два уркана,
Сорвались два уркана в дальний путь.
В вапняровской малине они остановились,
Они остановились отдохнуть...

бодро выдавал голос Утесова поднимая настроения.

Когда песня закончилась, выпили за урок, а потом Бес, сжевав кусок шинки спросил, – слышь, Рукатый, а почему у вас называют Ростов «папой»?

– Ну, это старая история- продув мундштук, закурил папиросу. – Клюку* на Старом базаре видел?

– Ну.

– Лет эдак десять назад, на Ростов опустился сильный туман. Ну воры и смекнули, что можно поживится. Сговорившись, разбежались по базару и орут, – тикайте, церква падает! Народ перепугался и кто куда. А они давай чистить магазины с торговыми рядами, подмели все. Короче, такой кражи не было даже в Одессе. С тех пор Ростов стал прозываться «папой», мол знай наших, а Одесса «мамой» – типа под ним.

– Бреешь, – засомневался Бес.

– Не веришь, прими за сказку. Ферг, налей всем еще.

Допив водку, до вечера приспнули, а затем Рукатый с Фергом предложили сходить в малину* и продолжить веселье дальше. Кукла отказался – намылился в кино, там шла новая картина «Броненосец Потемкин». Бес тут же согласился. Давно хотелось побывать.

Малина находилась в Андреевском районе, в одном из многочисленных частных домов на рабочей окраине. К нему примыкал старый парк. Дом был бревенчатым пятистенком с шатровой крышей, без двора, окна закрыты ставнями. Было видно, что он знал лучшие времена: сохранилась часть оцинкованной кровли, резные облупившиеся наличники, остатки вычурного крыльца.

Миновав его, обошли строение сзади, Ферг, дважды, с перерывами, постучал костяшками пальцев в глухую дверь черного хода.

– Кто? – послышалось изнутри.

– Свои. Давай открывай.

Звякнул засов, – распахнулась, в проеме возник мордастый амбал*. Оглядев, хмуро буркнул, – заходите.

Как только ступили за порог, запер дверь, и уселся рядом на лавку.

Миновали в темноте короткий коридор, шедший впереди Ферг толкнул вторую дверь, оказались в просторной комнате. Под потолком, в жестяном абажуре ярко горела лампа, под ней несколько столов. За одним, уставленным бутылками и закусками, сидели трое мужиков, в воздухе плавал табачный дым.

– О! Рукатый с Фергом нарисовались, – обернулся один. Годами под сорок, в дорогом прикиде и с костлявым лицом.

– Здорово Череп, – подойдя, пожали всем руки.

– Что за пацан? – кивнул на Беса.

– Пацан правильный, он с нами. Уселись за соседний.

Из одной из смежных комнат появилась хозяйка, дебелая усатая гречанка. Улыбаясь, направилась к ним, – что-то давно не заходили.

– Делов было много, – хлопнул ее по заду Ферг, а Рукатый подмигнул, – организуй выпить и пожарь.

Хихикнув удалилась, через пару минут смазливая малолетка с подносом выставила на стол бутылку водки и еду. Получив деньги, убежала

– Ну, за все хорошее, – плеснул в стаканы Рукатый. Чокнувшись выпили, принялись закусывать.

– А Череп, он кто? – хрустнул огурцом Бес.

– Известный в Ростове фармазон* – прожевал Ферг кусок мяса. – Червонец так нарисует, не отличишь от настоящего.

Народу между тем прибавлялось. Заявлялись компаниями и по одному. За соседнем столом расположились ширмачи* а в углу пара жилистых, насупленных мужиков.

– Чего такие хмурые? – кивнул туда Бес.

– Мокрушники. У них нервная работа, – поковырял спичкой в зубах Рукатый.

– Пришить человека это тебе не хухры-мухры, – добавил Ферт.

Затем в комнате появился гармонист, бегая по кнопкам пальцами, к нему подошел один из гостей и, засунув руки в карманы, стал отбивать чечетку.

– Наяривай! – заорали несколько голосов, какой-то пьяный упал со стула, а меж столов засновали размалеванные девицы. Гулянка нарастала. «Да» думал про себя охмелевший Бес. «Вот это веселье».

Потом у их стола возник жилистый блондин. Ферт с Рукатым, вскочив, принялись с ним обниматься, – здорово Чума! Ты куда пропал?

– С год как промышляю в Крыму, – блеснул фиксой.

– Ну давай, присаживайся брат. Обмоем встречу.

Ферт заказал еще водки, Рукатый разлил по стаканам. Сдвинув выпили, закусили.

– А чего свалил? – нюхнул хлебную корку.

Баретку помните? Была наводчицей у меня с Лехой Артистом.

– А то. Клевая деваха.

– Ну так вот (пустил носом дым). Артист ее чем-то обидел, и та дунула на него лягавым.

Пошли брать очередную хату, а там засада. Леху повязали, я же выпрыгнул в окно и сделал ноги. Потом он передал маляву* с кичи, что и как. Ну и чтоб меня не забрали, я свинтил в Крым.

– Вот сука, за такое ставят на перо, – заиграл желваками Ферт.

– С тем и приехал. Поможете разобраться?

– Не вопрос, – блеснул глазами Рукатый. – Когда и где?

– Завтра. Я уже с ней встречался и слепил горбатого*, что простил. Мол претензий не имею. А заодно предложил съездить на Зеленый остров. Вроде как на пикник. Так что встречаемся в шесть часов у лодочной станции.

– Заметано, – переглянулись Рукатый с Фертом.

Потом снова пили, к ним подвели три веселые девки и стали охмурять. Что было после, Бес помнил смутно. Проснулся голым в какой-то каморке. Зав мутным окошком серел рассвет, рядом на кровати, в чем мать родила, сопела носом одна из вчерашних девок.

Когда, смутившись, начал быстро одеваться, открыв сонные глаза протянула, – а ты душка. Повернулась на бок и опять уснула. Скрипнув отворилась дверь, заглянул взъерошенный Ферт, – кончай ночевать. Хилием до хаты.

Снаружи, дымя папироской, уже ждал Рукатый, – ну как Бес? Оскоромился?

– Не помню, – отвел в сторону глаза.

Приятели рассмеялись и, ежась от утренней прохлады, направились домой. Кукла еще спал. Раздевшись, тоже забрались под одеда. Проснулись незадолго до полудня, умылись и вместе отправились пообедать на Старый базар.

– Ну, как тебе фильма? – спросил Бес по дороге Куклу.

– Во! – показал большой палец. – Классная картина.

– Про што?

– О бунте на корабле. Там матросам давали червивое мясо и они организовали бузу, перетопив царских офицеров.

– Надо будет посмотреть, – заинтересовался Ферт. – Уважаю, когда такое.

На баре зашли в татарскую харчевню, заказав десяток беляшей, халвы и горячий чай.

– Вы бы, орлы, сменили гардероб, – сказал Рукатый младшим, когда отобедав расплатились. – А то ходите, понимаешь, как босяки.

Бес тут же согласился, а Кукла стал возражать, – отстаньте, у меня приличный клифт. Еще лет на пять хватит.

– Какой приличный? – дернул его за рукав Ферт. – Дырка на дырке.

Общими усилиями уговорили, направились в торговые ряды. Там Бес купил пару рубаш, вельветовую куртку со штанами и башмаки ленинградской фабрики «Скорород», а Кукла новую майку.

– В самый раз под клифт (шмыгнул носом).

– У тебя ж полно хрустов, чего жмешься? – хмыкнул Рукатый.

– Коплю на мотоциклетку. Буду кататься по Ростову с ветерком.

Когда солнце повисло у горизонта, Рукатый с Фертом и Бес сошли с трамвая на остановке «29-я линия» у Нахичеванской протоки Дона. На станции, у одной из качавшихся на воде лодок, их уже ждали Чума с Бареткой. Это была лет двадцати красивая брюнетка в крепдешинном платье, с часиками на руке и модельных туфлях. В лодке стояла плетеная корзина с бутылками и закуской.

– А вот и мои друзья, о которых говорил. Ты их знаешь, – приобнял ее за талию Чума.

– Здорово, милашка, – приподнял Рукатый на голове кепку, а Бес уставился на девушку восхищенным взглядом

– Привет мазурики, – задорно тряхнула челкой.

Чума первым шагнул в лодку, подав ей руку, за ними остальные. Рассевшись по скамейкам, отчалили.

Окрасился месяц багрянцем,

Где волны шумели у скал,

Поедем, красotka, кататься,

Давно я тебя поджидал!

дурашливо затянул, сидевший на веслах Ферт.

Баретка, опустив руку за борт, пропускала меж пальцев ультрамарин воды, над протокой кружили чайки. Минут через десять, пересекли ее, лодка ткнулась носом в песок, выгрузились.

Длиной в четыре километра и шириной в полтора, остров оправдывал свое название. Он густо порос дубами, липами с кленами и кустарником барбариса, маня в тенистую прохладу, но ростовчане посещали это место не часто. По слухам, ночами ведьмы устраивали там шабаш, а из воды появлялись утопленники.

Прихватив корзину, компания вошла в лес. Отыскав солнечную поляну с россыпями ромашек, расположилась в тени старого вяза, рядом побулькивал родник. Накрыв импровизированный стол, уселись вокруг на травку.

Откупорив две бутылки водки, Чума доверху наполнил стаканы.

– За тебя, Баретка- поднял свой. Все выпили до дна, она и Бес половину. Закусив, повторили и Чума наклонился к спутнице, – тебе привет от Артиста, желает получить долг.

– Какой? (побледнела).

– Твою жизнь.

– Ты же меня простил – задрожала губами.

– А он нет, – глумливо усмехнулся.

В глазах Баретки плеснул ужас, вскочив, побежала.

– Стой, стерва! – бросился за ней.

Догнав, свалил на траву усевшись сверху, в руке блеснула бритва. Располозовав платье на груди и сорвав лифчик, стал отрезать груди.

– А-а-а! – взлетел к небу душераздирающий крик. Секанул по горлу- прервался.

За всем этим Рукатый с Фертом наблюдали с безразличным видом, Беса сотрясала дрожь.

Сделав свое дело, Чума вытер бритву о платье убитой. Встал, сложив, сунул в карман и направился к роднику. Вымыв руки, вернулся на свое место, сел – наливай Рукатый. Тот открыл новую бутылку, выпили не закусывая (Бес отказался) закурили.

– Была Баретка и нету, – пустил вверх колечко дыма Ферт.

– Что молодой? Напал мандраж? – тяжело взглянул на Беса Чума. – Учись. Такой воровской закон. За измену – смерть.

Оставив все как есть, вернулись к лодке и отчалили от берега. На пристани, сдав лодку, распрощались с Чумой.

– Ты куда теперь? – поинтересовался Рукатый.

– Снова в Крым. Тут оставаться не с руки.

Ночью Беса мучил один и тот же кошмар: окровавленная Баретка шла к нему, протягивая руки.

Глава 4. Прощай Ростов

К середине 1920-х годов в стране стало уменьшаться количество беспризорных детей. К 1926 году их число снизилось до отметки 240.000 человек.

31 мая 1935 года было издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», где отмечалось, что ликвидирована массовая беспризорность, а также вновь поставлены задачи по организации борьбы с малолетними правонарушителями, хулиганством и усилению ответственности родителей за воспитание детей.

В нём заявлялось, что при значительном количестве детских учреждений и улучшения материального положения рабочих, небольшое число беспризорников – лишь недостаток профилактической работы. Отмечена была и общественная роль в воспитании детей, определена система мероприятий по предупреждению безнадзорности и беспризорности, разработаны меры борьбы с нарушением прав несовершеннолетних, повышена ответственность родителей за воспитание детей. В постановлении указывалось, что беспризорность не ликвидирована до конца, а существует до сих пор, и это объяснялось плохой работой местных советских и партийных органов, отсутствием организационного участия в борьбе с ней советской общественности, а не причинами глубокого социального характера.

Таким образом, на ликвидацию массовой детской беспризорности понадобилось около 15 лет.

(Из научной статьи)

Прошел год, наступила весна. За Доном зазеленела степь, в высоком небе потянулись с зимовки птичьи стаи.

За то время, что прошло, компания обворовала еще две квартиры и жила припеваючи. Не забывал Бес и свою прежнюю квалификацию. В перерывах между делом чистил на городских базарах и в трамваях, карманы граждан. Делал это не от жадности, а ради интереса. Любил риск и воровскую удачу.

Одним майским днем, солнечным и погожим, шел, подметая клешем пыль, по Александровскому спуску и нос к носу столкнулся с давними приятелями по Чите – Хмырем и Мурзой. Последовали радостные возгласы с матерками и объятия.

– Вы как здесь? – похлопывая по плечам, оглядел обоих.

– Да вот, решили податься на юг, – высморкался на землю Хмырь.

– Ага, – добавил почесываясь, Мурза.

– Когда приехали?

– Сегодня утром.

– Такую встречу нужно вспрыснуть, – предложил Бес. Приятели замялись.

– Что так?

– Да у нас в карманах вши на арканах, – вздохнул Хмырь, а Мурза добавил, – в дороге поиздержались.

– Не беда, – хмыкнул. – Щас по быстрому срублю хрустов. Айда за мной. Деньги у него имелись, но хотелось показать себя – знай наших.

Прошли до ближайшего продовольственного магазина, остановились.

– Ты как насчет притырки? – спросил Бес Хмыря.

– Обижаешь, – шмыгнул носом.

– Тогда хилай со мной, а ты Мурза, жди снаружи.

Вошли в магазин, огляделись У прилавка очередь. Одни в ней мирно беседовали, другие скучали. Бес встал за последним мужчиной, в очках и шляпе, подмигнул Шнырю. Тот протиснулся между очкастым и толстой теткой перед ним, – почем селедка? Покупатели зашумели – не лезь без очереди!

– Да пошли вы, – выверился на очередь и с независимым видом покинул магазин.

За это время Бес увел из кармана очкастого кошелек, достав оттуда банкноты, а его упустил на пол.

– Мне полкило ветчины, триста грамм сыра и пару селедок – обратилась к продавщице жертва, шаря по карманам. – Вот же черт, он украл мой кошелек!

– Как же так? заволновалась очередь, – ведь протиснулся с этой стороны?

– А вытащил с другой, – сказал кто-то. – Смотрите, вон и кошелек валяется.

– Пустой, – поднял его очкастый и бормоча ругательства вышел, провожаемый сочувственными взглядами.

– Кило ветчины, столько же сыра, два цибика чая, сахар и кирпич хлеба, – сделал в свой черед, заказ Бес. Рассчитавшись, сказал продавщице «спасибо» и покинул магазин, неся в руке объемистый пакет из крафтовой бумаги.

– Лихо! – оценили приятели, ожидавшие за углом. Мало, что хрустов срубил, еще там же и отоварился.

– Ну дак, – цикнул слюной на землю. – А теперь айда братва к одному моему приятелю.

Познакомились прошлой зимой. Возвращаясь к себе морозным вечером, встретил в переулке стайку беспризорников. Те сшибли в снег старика на деревяшке и пытались снять с него овчинный полушубок. Дед молча отбивался, но силы были неравны.

Бес надавал сямкам по шеям (разбежались) поднял и предложил довести домой. Тот не возражал. Оказался дворником, жил в подвале многоквартирного дома неподалеку. Зазвал погреться.

Подвал был просторный, вверху два окошка. В центре топилась печка, у стены кровать, застеленная ватным одеялом, рядом стол и две скамейки. В углу жестяной рукомойник.

Старик (звали Илько) угостил спасителя горячим чаем, а тот обратил внимание на фотокарточку в рамке, висевшую над кроватью. На ней был запечатлен хозяин, но моложе. На коне, в папахе и с винтовкой за плечами. На боку пашка.

– Это ты где? – прихлебнул гость из чашки.

– В гуляй-поле, у батьки Махно.

– Это ж бандит? – вскинул брови. – Года три назад смотрел картину, «Красные дьяволята». Так там его захватили в плен и привезли в мешке к Буденному.

– Брехня, – нахмурился старик. – Такого не было. Атаман пробился с остатками отряда в Румынию.

Потом Бес распрощался, а Илько сказал, – заходи. Расскажу про батьку правду.

Стал наведываться и узнал, что у Махно была не банда а целая армия, насчитывающая пятьдесят тысяч штыков. И сначала он успешно воевал на стороне красных, за что был награжден Реввоенсоветом орденом Красного Знамени. Стоял за крестьянство и пытался создать на юге России независимую республику хлеборобов. За это Троцким* был объявлен предателем и стал врагом советской власти.

– Вот такой был человек Нестор Иванович Махно, – говорил Илько. – А ты гутаришь привезли в мешке. Придумают же такое.

Еще много и интересно рассказывал о Гражданской войне, боях с петлюровцами, германцами и белогвардейцами. Бесу все это было интересно. А еще как-то показал ему Георгиевский крест.

– Получил на Империалистической, Володька.

– За что?

– Вытащил с поля боя раненого офицера.

– Ногу там потерял?

– Не. Ее на Гражданской.

– И на чьей стороне воевал?

– У Нестора Ивановича. Вместе брали в двадцатом Перекоп*. Там и зацепила шальная пуля, – похлопал по деревяшке.

По дороге приятели зашли в винную лавку, где Бес купил две бутылки водки, потом сели в трамвай и доехали до Аксайской. Там сошли и направились к четырехэтажному дому, где проживал старик. Обошли сзади, миновав двор, спустились истертыми ступеньками в подвал.

Хозяин был дома, насаживал на рукоятку метлу.

– Здорово, дед Илько. Гостей принимаешь? – спросил от порога Бес.

– Хорошим гостям завсегда рад, – отложил метлу в сторону.

– Это мои друзья, – представил Хмыря с Мурзой. – Приехали в Ростов на заработки.

– Бог в помощь, – оглядел.

– Хотим у тебя отметить встречу, не возражаешь?

– Отчего же? – Можно.

Чуть позже все сидели за накрытым столом, выпивали, закусывали и беседовали.

И откель вы приехали хлопцы, ежели не секрет? – спросил Илько, утерев усы после очередной рюмки.

– Из Читы.

– Слыхал про такую. И чем думаете заниматься?

– У меня знакомый в порту, устрою их туда грузчиками, – хлопнул Хмыря по плечу Бес.

– Нам денег не надо, работу давай, – растянул тот в улыбке губы.

– Ну-ну, – скрутил Илько сигарку, чиркнув спичкой, закурил.

– Только вот остановиться пацанам негде (продолжил Бес).

– В чем вопрос? – окутался дымом. – Нехай поживут у меня. Места хватит.

– Ну спасибо, дедуль. Выручил. За нами не пропадет, – заверили все трое.

Хозяин помог с обустройством, выделив из кондейки с инвентарем две хранившиеся там старые кровати. Матрасы с подушками купили на барахолке. Рано утром, растопив печку и попив с хозяином чаю новые жильцы уходили «на работу», возвращались к ночи, принося продукты. Они служили платой за жилье.

А спустя неделю в подвал наведалься управдом – жирный мужик с хитрыми глазами, в шляпе и с портфелем.

– У тебя, как погляжу жильцы, Илько, – кивнул на кровати постояльцев. – Как у них с пропиской?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.